

УДК 81'35(=511.131)

*Л.М. Ившин***О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРФОГРАФИИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ
НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ***

В статье рассматривается проблема вариативности в орфографии удмуртского языка на этапе становления его нормы на примере первого перевода Евангелия от Луки. В первой половине XIX в., когда были переведены Евангелия, вербально сформулированных орфографических правил еще не было, что явилось основным стимулом для появления и функционирования вариантов. Другой причиной может быть то, что над переводом работали несколько человек. В тексте встречается немало параллельных написаний одних и тех же слов и их форм. Орфографическая вариативность Евангелия от Луки складывается из следующих элементов: 1) использование различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука, 2) непоследовательное обозначение велярности/палатальности согласных, 3) наличие/отсутствие буквы **ъ** между морфемами, слитное или дефисное написание, 4) произвольное членение словоформы на части при помощи черточки и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятник письменности, евангелие, перевод, орфография, норма, варианты.

Раннее удмуртское письменное наследие (XVIII – XIX вв.) до настоящего времени остается изученным не в полной степени. В книге под названием «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии XVIII – первой половины XIX века» [3] нами был подробно analyzed 21 памятник удмуртской письменности, относящийся к отмеченному времени и содержащий лексические данные удмуртского языка. Из этих источников 16 составлено средствами кириллической графики, а пять – буквами латинского алфавита. Конечно же, письменных памятников указанного периода было намного больше, например, по подсчетам некоторых ученых их насчитывается более 30 [6. С. 119-131]. О количестве же неизданных рукописных работ на данный момент никаких достоверных сведений не имеется, так как фронтального изучения всех памятников удмуртской письменности пока не было проведено. Это, как нам кажется, объясняется тем, что некоторые издания или рукописные работы безвозвратно погибли при разных обстоятельствах, многие другие, сохранившиеся в единичных экземплярах в фондах различных библиотек и архивов (в том числе зарубежных), все еще не обнаружены и ждут своего исследователя.

Как известно, рукописные памятники являются, прежде всего, важнейшим источником, воссоздающим более или менее полную картину состояния языка на определенном этапе его развития, и представляют немалую ценность для изучения его истории. При исследовании возникновения и развития письменности и литературного языка, как величайшего достояния любого народа, необходимость вовлечения в научный оборот и всесторонний анализ рукописных и опубликованных памятников очевидна.

Первая грамматика удмуртского языка [10], которая применила буквы русского алфавита и частично орфографические нормы русского языка для записи удмуртских слов, в дальнейшем послужила авторитетным образцом при составлении последующих письменных памятников. Можно утверждать, что в истории удмуртской письменности графическая система грамматики оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских звуков средствами русской графики в более поздних рукописных и печатных памятниках. Решающее значение она имела также в формировании удмуртской орфографии. Другими словами грамматика 1775 года издания стала своеобразным источником нормы для удмуртского языка того периода. Орфография (точнее, элементы орфографии) полученная от русской письменности XVIII века, в дальнейшем совершенствовалась в соответствии с изменениями русского и удмуртского письма. Почему речь идет об элементах орфографии? Как известно, в удмуртском языке в первой половине XIX века, когда были переведены Евангелия, вербально сформулированных орфографических правил еще не было, поэтому целесообразнее, как нам кажется, оперировать термином «элементы орфографии». Отдельные специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л. Р. Зиндер

* Исследование подготовлено в рамках гранта РГНФ «Первые евангелия на удмуртском языке: исторические и социально-политические предпосылки появления, лингвистический анализ» (№ 15-04-00055).

и Т. В. Строева, исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца» [2. С. 26]. Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее и в раннеудмуртских памятниках. Традиции письма первой удмуртской грамматики сохраняются на всех уровнях языка в памятниках письменности первой половины XIX века (подробнее см. [4. С. 421-423]), к которым относится анализируемое нами рукописное Евангелие от Луки.

Особенностью письма удмуртского языка XIX в. является значительная орфографическая вариативность. Как известно, варианты являются атрибутом любой развивающейся и функционирующей системы, к которой вне сомнения относится язык. Вариативность или вариантность – это наличие нескольких или многих вариантов чего-либо. Таким образом, орфографическая вариативность – это наличие нескольких вариантов написания одних и тех же слов и их форм. Она характерна в большей части только для текстовых памятников, поскольку только в текстах слова и их различные формы могут повторяться до несчетного количества раз.

Орфографическая вариативность первых печатных Евангелий на удмуртском языке уже находила отражение в научной литературе. Так, например, В. К. Кельмаков [7. С. 49-105] рассматривает варианты написания в опубликованном 1847 г. Евангелии от Матфея на сарапульском диалекте. Непоследовательность написания в письменном памятнике он объясняет тем, что до публикации книг 1847 г. не было прецедента издания больших текстов на удмуртском языке и опыта у их создателей.

Частично соглашаясь с этим мнением, хотелось бы добавить другую причину: поскольку над переложением Евангелий на удмуртский язык работали несколько человек [5. С. 90-91], то орфографическая вариативность может быть объяснена разными написаниями каждого переводчика. Согласно источникам, Вятский Комитет Библейского Общества в 1823 году поручил священнику Иоанну Анисимову (с. Бусурман Можга) перевести Евангелие от Луки на удмуртский язык. Существенную помощь в дальнейшем пересмотре переводов оказали священники удмуртских приходов Глазовского уезда – С. Красноперов (с. Алнаши), Павел Тронин (с. Дебессы), Николай Утробин (с. Унинское), Никифор Невоструев (с. Укан) и Алексей Шкляев (с. Святицкое). Историк П.Н. Луппов отмечает, что Евангелие от Луки «переводилъ села Люжгов (точнее: Можгов – Л.И.) священникъ Иоанн Анисимовъ и с. Алнашъ священникъ Стефанъ Красноперовъ» [8. С. 11]. Таким образом, параллельные написания в Евангелии очень даже могут быть объяснены личностным отношением переводчика к тексту, его стремлением выразить собственное «я», отходя от традиции, которой он должен был следовать.

В Евангелие от Луки встречается немало дублетных (параллельных) написаний одних и тех слов и их форм, например:

вэразь ~ веразь 'он сказал': *Марія нѡшъ вэразь Ангельлы: кызй тѡ лудъ, кѡль гинэ картъ-зэ мѡнъ угъ тѡцькы* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 2 об.] 'Мария же **сказала** ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю' [9. С. 62]; *Тросъ мукетсэ но ээцъ веразь* *Со калыкълы буйгатса сооссэ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 7 об.]. 'Многое и другое **благовествовал** он народу, поучая его' [9. С. 65];

пэнна ~ понна 'за': *Тужъ гажамэзъ пэнна капціэзъ-лэсь милымъ инмарьлэсь, кызй уть лыктэмъ мй дынямъ вылысьтысь шунды-жужанъ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 4 об.]. 'По благоутробному милосердию Бога нашего, которым посетил нас Восток свыше' [9. С. 63]; *Берыцькызы нѡ сизимдѡнъ дышецькисъѡсъ шумъ потоненъ, верасѡ: инмаре! шайтанъѡсъ нѡ санѡ пэнылѡ милемлы, тынѡдъ нѡмъ понна* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 21 об.]. 'Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени твоём' [9. С. 77].

сѡтъ ~ сѡтъ 'дай, подай': *Кинъ шуккѡзъ тынѡдъ окпѡлъ бѡмзэ, тонъ солы сѡтъ и кыкътэтизе, соберэ кинъ бастѡзъ дыссэ тынѡдъ, тонъ сѡтъ солы и деремзэ но* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 12 об.]. 'Ударившему тебя по щеке **подставь** и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду **не препятствуй** взять и рубашку' [9. С. 70];

селыкъ- ~ селыкъ- 'грех': *Кыкэзыкъ соѡсъ вылылѡмъ инмаръ азѡнъ селыкътѡкъ, улсѡ воцѡкъ косэмъ-ѡсынъ шонэръ нѡ каремъѡсынъ Господнихъ урдѡ слѡва вылэмъ-тээ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 1 об.]. 'Оба они были **праведны** пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно' [9. С. 61]; *Монъ лыкты этины не селыкъѡссэ, селыкъѡсэ гинэ восяськыны* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 11]. 'Я пришел призвать не **праведников**, а грешников к покаянию' [9. С. 68].

цѣорыгъ ~ чѣорыгъ 'рыба': *Тужь кышкатонъ куртызь соэ и воцякъ собсынъ валсе трость цѣорыгъ кутэмъ понна* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 10]. 'Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных' [9. С. 68]; *Кэче ти палысь аи, ку пи курэ солэсь нянезь, сѣотэ солы изъ или естѣли курэ чѣорыгэсь, сѣотэ солы чѣорыгъ понна змѣю?* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 23 об.]. 'Какой из вас отец, когда сын просит у тебя хлеба, подаст ему камень? или, когда попросит рыбы, подаст ему змею, вместо рыбы?' [9. С. 78];

Немалый интерес представляет то, что иногда дублетное написание встречается не только в разных местах текста, но и рядом – даже в одном и том же предложении, например:

мэдъ ~ мэд 'пусть': *Кызи гоштэмынъ уванъ Законънъ Господни, мэдъ каждой пиналэзь картлэсь пэлысь кышнолэсь потэмысь, вылэмъ мэд лэ инмарлы сѣотэмынъ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 5 об.]. 'Как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу' [9. С. 64];

цэбѣрь ~ цебѣрь 'красивый, красиво': *Свѣтильникъ шейлы уванъ сѣнъ; сѣнъ ке тынэдъ цэбѣрь, озѣ воцякъ шеэть тынэтъ югытъ, сѣ ке цебѣрь ивѣль, шеэть нѣ тынэдъ пѣльмытъ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 24 об.]. 'Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно' [9. С. 79]; и др.

На основе представленного фактического материала на параллельные (дублетные) написание одних и тех же слов и их форм орфографическая вариативность анализируемого письменного памятника удмуртского языка складывается из следующих элементов:

1. Употребление различных букв русского алфавита для обозначения одного и того же удмуртского звука, в частности букв **ѣ** и **е** для передачи фонемы *э* после палатального согласного:

пельмытъ ~ пѣльмытъ 'темно, темный': *Со вылэ ношнэ Вѣль урѣдъ карѣзь, пыдсазь Иоаннэзь пельмытъ азѣ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 7 об.]. 'Прибавил ко всему прочему и то, что заключил Иоанна в темницу' [9. С. 65]; *Свѣтильникъ шейлы уванъ сѣнъ; сѣнъ ке тынэдъ цэбѣрь, озѣ воцякъ шеэть тынэтъ югытъ, сѣ ке цебѣрь и вѣль шеэть нѣ тынэдъ пѣльмытъ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 24 об.]. 'Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно' [9. С. 79]. Причём здесь, как нам кажется, применение буквы **ѣ** в удмуртских словах не оправдано ни в графическом отношении, ни фонетически. Вполне было бы уместно и достаточно употребление буквы **е** или *э*.

2. Незакономерное обозначение велярности/палатальности согласных посредством использования последующих гласных букв:

а) *э* / **е** (*ѣ*)/**ѣ**:

дынэ ~ дынѣ ~ дынѣ 'к': *Ангель пыраса сѣ дынэ вэразъ: шумпотса улъ, козмамъзэ тырэмѣнъ, Господь тонэнынъ: вѣсятэмынъ тѣнъ кышноѣсь-лэсь* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 2 об.]. 'Ангел, вошедши к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна ты между женами' [9. С. 62]; *Иоаннъ лыктэмъ-ѣсьлы со дынѣ пыртынѣ калыклѣ веразъ: ворцкемэзъ кыллэнъ, кинъ визъ сѣотызь бызинѣ вожъ потэмъ-лэсь* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 7]. 'Иоанн приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?' [9. С. 65]; *Куддѣрья валь Лисусъ одыкъ карынъ, лыктѣзь со дынѣ висемъ тужъ адѣми воцякъ висемѣнызь; адзизъ Лисуса, выдизъ Со серынъ, сюль ворѣса соэ, вераса: инмарэ, мылэзь ке пѣтозь тынэдъ, тѣнъ бѣгатотъ монѣ жутины* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 10]. 'Когда Иисус был в одном городе, пришел человек весь в проказе и, увидев Иисуса, пал ниц, умоляя Его и говоря: Господи! если хочешь, можешь меня очистить' [9. С. 68];

б) **ы**/**и**:

тылэдлы ~ тиледлы 'вам, для вас': *Вэразъ но соѣслѣ ангель: энъ кѣшкалэ; монъ тылэдлы вѣискъ бадзѣмъ мылкѣдъ капцѣзэ, кудызь лудэзь воцѣналы калыкѣлы* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 5]. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям [9. С. 63]. *Мѣнъ ке силаинъ Веельзевула ульяскѣ шайтанэзъ, то пѣдъ тилѣдъ кинлэнъ силаинъ улялѣ; со поннэ соосъ луозы тиледлы судѣяинъ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 23 об.]. 'И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чѣю силою изгоняют их? Посему они будутъ вам судѣями' [9. С. 79].

3. Наличие/отсутствие буквы **ѣ** между морфемами:

инмарлэнъ ~ инмарѣ-лэнъ 'Божий': *Кызи яламъ попѣѣслэнъ тупамынъ вылэмъ, вуйзъ солы пырнѣ инмарѣ-лэнъ цѣркѣ чинатэмэзъ пѣнна* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 1 об.]. 'Как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения' [9. С. 61]. *Лисусъ бенѣ*

веразь солы: нокінъ геризе кутысь беренъ нѡ уцькись узъ туѡа ассѣ **инмарленъ** зѣць Улонназь [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 20 об.]. 'Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающий назад, не благонадежен для Царствия Божия' [9. С. 76].

4. Слитное или дефисное написание косвенных форм местоимений:

соіосъ-лэсь ~ соіосълэсь 'у них, их': *Трѡсъ нѡ пііосълэсь Израиль-іосъ-лэсь бэрэнъ вуттѡзь Господь инмаръ соіосъ-лэсь дынэ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 2]. 'И многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу **их**' [9. С. 61]; *Усйзъ нѡ воцякъ соіосълэсь улэмъіосъ вылэ котыръ кышкатцыкэмэзь; пасьтанэ нѡ выллэнь паланъ Лудѣосъ-лэсь вуйз кылъ тачэ ужэзъ пэнна* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 4]. 'И был страх на **всех**, живущих вокруг них'; и рассказывали обо всем этом по всей нагорной стране Иудейской' [9. С. 63].

5. Безосновательное членение словоформы на части при помощи черточки, причем черточка не является знаком переноса со строчки на строчку:

сіѡ-тѡзь ~ сіѡтѡзь 'даст, воздаст': *Сѡ тѡжъ бадзімъ лудэзь, нимъ нѡ шэттѡзь пилэсь воцякъ-іосъ-лэсь Вылысьлэнь, сіѡ-тѡзь нѡ солы Господь Инмаръ пуксіѡнэзь Давидъ-лэсь бубизъ-лэсь солэнь* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 2 об.]. 'Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и **даст** Ему Господь Бог престол Давида, отца Его' [9. С. 62]. *Естлибы, вераськѡ тиледлы, со уксулты уксіѡтъ нѡ солы: сѡ понна, уго со урѡмъ солы: сѡ нѡ уг мыныськы со дынись, султыса сіѡтѡзь солы, кэня курэ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 23]. 'Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, **даст** ему, сколько просит' [9. С. 78].

6. Разнообразие в акцентировании многосложных слов:

инмарленъ ~ инмаръ-лэнь 'Божий': *Ангель бэрэнъ солы отвѣтэ вэразь: духъ Святый тѡнъ выладъ вылысьтысь лыктѡзь, кужмызъ нѡ воцякъ-іосъ-лэсь вылысь-лэнь саэнъ котырѡзь тонэ, ворцыкэмэзь нѡ сойнъ Свято лудэзь, шуилѡзь нѡ инмаръ-лэнь пѣ* [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 2 об.]. 'Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. [9. С. 62]. *Иисусъ бенъ веразь солы: нокінъ геризе кутысь беренъ нѡ уцькись узъ туѡа ассѣ инмарленъ* зѣць Улонназь [1. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. Л. 20 об.]. 'Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающий назад, не благонадежен для Царствия **Божия**' [9. С. 76]. И др.

Таким образом, случаи непоследовательного написания подтверждают то, что отмечали специалисты относительно орфографии древних памятников письменности немецкого языка: «Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию. На такое предположение наталкивают случаи разного написания одних и тех же слов» [2. С. 26]. Присутствие в тексте Евангелия от Луки случаев различного оформления одних и тех же удмуртских слов и их форм доказывает, на наш взгляд, то, что удмуртская орфография в первой половине XIX столетия находится еще в самом начале своего развития, а вариативность на этапе становления нормы неизбежна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отъ Луки святое благовѣствованіе // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 94. Оп. 1, № 245, 31 л.
2. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студентов педагог. институтов. М., Л.: «Просвещение», 1965. 192 с.
3. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск, УрО РАН. 2010. 236 с.: вкл.
4. Ившин Л. М. Традиции удмуртской грамматики 1775 года в памятниках удмуртской письменности первой половины XIX века // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. ст. Ижевск, 2013. С. 419-423.
5. Ившин Л. М. О языке рукописного Евангелия от Иоанна на удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11-1 (41). С. 90-93.
6. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с. (На удм. и рус. яз.).
7. Кельмаков В. К. О языке первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка // Очерки истории удмуртского литературного языка : Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филологии. Каф. общ. и финно-угор. языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 49-105.

8. Лупповъ П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка: Губернская типографія, 1911. XXII + XVI + 568 с. + XXXIV.
9. От Луки святое благовествование // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. New life Campus Crusade For Christ International. Минск, 1992. С. 61-99.
10. Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртсого языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 19-132].

Поступила в редакцию 21.07.15

L.M. Ivshin

ON SOME PECULIARITIES OF SPELLING OF GOSPEL OF LUKE IN THE UDMURT LANGUAGE

The article considers the problem of variability in the spelling of the Udmurt language at the stage of its formation on the example of the first translation of Gospel of Luke. In the first half of the 19th century, when the Gospels were translated, verbally formulated orthographic rules had not appeared yet. It became a major stimulus for the emergence and functioning of variants. Another reason could be that several people worked over the translation. There are many parallel spellings of the same words and their forms in the text. Spelling variability of Gospel of Luke consists of the following elements: 1) use of different letters of the Russian alphabet to denote the same Udmurt sound, 2) inconsistent designation of velarization/palatalization of consonants, 3) presence/absence of the letter **ъ** between the morphemes, solid or hyphenated spelling, 4) arbitrary segmentation of word forms into parts with the help of dash, etc.

Keywords: the Udmurt language, written records, gospel, translation, spelling, norm, variants.

Ившин Леонид Михайлович,
кандидат филологических наук
Учреждение Российской академии наук
«Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН»
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ivleo.75@mail.ru

Ivshin L. M.,
Candidate of Philology
Russian Academy of Science (Ural dep.)
Udmurt Institute of History, Language and Literature
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova st., 4